

УДК 141

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114

**М. ЛАЦЦАРАТО О МНОГОМЕРНОСТИ
ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ
М. БАХТИНА: ПЕРЕВОД СТАТЬИ МАУРИЦИО
ЛАЦЦАРАТО «ТЕОРИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
МИХАИЛА БАХТИНА»**

Тинус Никита Николаевич – научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: tiinusnn@gmail.com, ORCID: 0000-0002-6870-4157

Данный текст представляет собой перевод и авторский комментарий к статье «Теория высказывания Михаила Бахтина», которая была представлена в форме доклада на симпозиуме «О Бахтине» в 2009 г. в Маастрихте. Автор доклада – Маурицио Лаццарато, современный франко-итальянский философ и социальный теоретик. В 1970 гг. он был связан с операистским движением в Италии, а позже вынужденно перебрался во Францию. Лаццарато является одним из членов редколлегии журнала *Multitudes* и автором некоторых влиятельных работ и эссе, таких как «Нематериальный труд», «Сотворение должника», «Управление с помощью долга» и др. Его исследования посвящены анализу современных изменений в экономических отношениях и практиках труда, метаморфозам капиталистического устройства. М. Лаццарато – один из немногих, кто обратил внимание на теорию высказывания Бахтина в ее политико-социальном значении. В предложенном здесь докладе Лаццарато анализирует теорию высказывания Михаила Бахтина в русле концепций Делёза и Гваттари. Находя пересечения и параллели, автор подчеркивает, что в бахтинской мысли высказывание является многомерным феноменом, включающим целый комплекс не только лингвистических, но и внелингвистических аспектов. Высказывание в теории Бахтина связано не только с производством смысла, но и с производством субъективности, оно формирует социальную реальность. В отличие от лингвистики или перформативной теории, философия Бахтина даёт релевантное представление о действительной природе высказывания, что особенно важно сегодня, в постфордистскую эру коммуникативного труда.

Ключевые слова: теория высказывания, постопераизм, философия языка, М. Бахтин, М. Лаццарато

Цитирование: Тинус Н.Н. М. Лаццарато о многомерности высказывания в философии М. Бахтина: перевод статьи Маурицио Лаццарато «Теория высказывания Михаила Бахтина» // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2023. Т. 6. №4. С. 99-114. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114

Рукопись получена: 1 ноября 2023

Пересмотрена: 19 декабря 2023

Принята: 20 декабря 2023

M. LAZZARATO ON THE MULTIDIMENSIONALITY OF UTTERANCE IN BAKHTINIAN PHILOSOPHY: TRANSLATION OF MAURIZIO LAZZARATO'S ARTICLE "MIKHAIL BAKHTIN'S THEORY OF THE UTTERANCE"

Nikita N. Tinus – Research
Fellow, National Research Uni-
versity Higher School of Eco-
nomics. 20, Myasnitskaya St.,
101000 Moscow, Russian Fed-
eration;
e-mail: tiinusnn@gmail.com,
ORCID: 0000-0002-6870-4157

This text is a translation and the author's commentary on the article *Mikhail Bakhtin's theory of the utterance*, which was presented in the form of a report at the symposium *On Bakhtin* in 2009 in Maastricht. The author of the report, Maurizio Lazzarato, is a contemporary French-Italian philosopher and social theorist. In the 1970s he was involved with the operaismo in Italy and later forced to move to France. Lazzarato is a member of the editorial board of *Multitudes* journal and the author of some influential works and essays, such as *Immaterial Labor*, *The Making of the Indebted Man*, *Governing by Debt*, and others. His research is devoted to the analysis of modern changes in economic relations and labor practices, the metamorphoses of the capitalist structure. M. Lazzarato is one of the few who paid attention to Bakhtin's theory of utterance in its political and social meaning. In his report, Lazzarato analyzes Mikhail Bakhtin's theory of utterance through the concepts of Deleuze and Guattari. Finding intersections and parallels, the author emphasizes that in Bakhtin's thought the utterance is a multidimensional phenomenon, including a whole complex of not only linguistic, but also extra-linguistic aspects. The utterance in Bakhtin's theory is associated not only with the production of meaning, but also with the production of subjectivity; it shapes social reality. Unlike linguistics or performative theory, Bakhtin's philosophy provides relevant insight into the actual nature of utterance, which is especially important today in the post-Fordist era of communicative labor.

Keywords: theory of utterance, post-operaismo, philosophy of language, M. Bakhtin, M. Lazzarato

How to cite: Tinus, N.N. (2023). M. Lazzarato on the multidimensionality of utterance in Bakhtinian philosophy: translation of Maurizio Lazzarato's article "Mikhail Bakhtin's theory of the utterance". *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 6 (4): 99-114. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-4-99-114 (In Russian)

Received: 1 November 2023

Revised: 19 December 2023

Accepted: 20 December 2023

Как это часто бывает, большие идеи игнорируют дисциплинарные ограничения, распространяя своё влияние на широкий комплекс различных областей знания. Это утверждение в полной мере относится и к творчеству М.М. Бахтина. Его наследие оказало существенное воздействие не только на теорию литературы и культуры, а также языкознание, но и на целый ряд философских дисциплин – от социальной философии до этики. После знакомства зарубежной аудитории с идеями Бахтина они с потрясающей скоростью завоевали мир, его мысль имела эффект разорвавшейся бомбы. Так называемый «бахтинский бум» породил целый веер интерпретаций (как перспективных, так и ошибочных). Точно можно сказать одно – бахтинская мысль вступила в мощный резонанс с идеями, возникавшими тогда в интеллектуальном пространстве Запада.

Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что процесс освоения бахтинской мысли шёл следующим образом – первоначально во Франции развитие структурализма в различных областях гуманитарного знания стало причиной внимания к советскому формализму. В первых реакциях на переводы Бахтина, за редким исключением, русский автор рассматривался как любопытный, хотя и малоизвестный представитель формальной школы (Долгорукова, 2018). Но с развитием зарубежного бахтиноведения становилось всё более и более очевидно, что первое впечатление было неверным, а наследие Бахтина выходит далеко за рамки формального подхода (более того, критически его преодолевает).

Несмотря на это, интерес к Бахтину сохранился в рамках структуралистской традиции. В частности, имя Бахтина то и дело упоминается в текстах Делёза и Гваттари. Не составляет труда обнаружить причину такого внимания. Онтологические основы бахтинского мышления восходят к неклассической философии, оспаривают трансцендентную метафизику с её иерархической строгостью, сосредоточенностью на едином и завершённом. В бахтинской мысли подчёркивается онтологическое первенство становления (бытия как со-бытия) и различия. В этом смысле теорию, предложенную в трудах Бахтина, можно считать почти пророческой – она во многом предвосхитила ключевые тенденции европейской философии задолго до их появления. Обратив внимание на такие концепты, как карнавал, гротеск, смех, полифония и т. д., легко отметить их общую направленность на разрушение предзаданных границ и иерархий. Народно-смеховая культура, исследованная Бахтиным, противопоставляется официальной «высокой» культуре так же, как вертикально структурированная по направлению к абсолюту трансцендентная метафизика противопоставляется имманентистской онтологии горизонтальных гетерогенных отношений, не имеющих центра. В этой перспективе бахтинская мысль парадоксальным образом сближается не только с Делёзом и Гваттари, но и с целым кругом мыслителей, таких как Ж. Симондон и Б. Спиноза (Тинус, 2021).

Бахтин в своих трудах то и дело указывает на зыбкость существующих границ как в социокультурном, так и в философском отношении. По этой причине в некоторых исследованиях теория Бахтина трактуется как теория трансгрессивности – проницаемости границ, их пронизывания и релятивизации (Jenks, 2003; Фаритов, 2016). Вячеслав Фаритов пишет: «Трансгрессивное движение осмеяния, снижения и переворачивания направлено на отрицание именно этой претензии на вечность и абсолютность. Трансгрессия раскрывает время, становление и относительность там, где хотели утвердить нечто неизблемое и непреходящее. Если трансценденция претендует на окончательную завершённость и фиксированную тождественность бытия, то трансгрессия раскрывает, в свою очередь, вечную “неготовность” бытия как становления» (Фаритов, 2016, с. 143). Так, например, в материальном отношении, трансгрессивность эксплицируется в концепции тела, непрерывно мутирующего, преобразующего себя и своё окружение, то и дело нарушающего собственные мнимые границы: «Неготовое и открытое тело это (умирающее – рождающее – рождаемое) не отделено от мира чёткими границами: оно смешано с миром, смешано с животными, смешано с вещами. Оно космично, оно представляет весь материально-телесный мир во всех его элементах (стихиях)» (Бахтин, 1990).

В исследовательской литературе можно встретить множество рассуждений о близости постструктуралистских терминов и бахтинских концептов. Так, в частности, отмечается, что понятия Делёза, такие как «детерриторизация» и «ретерриториализация», созвучны идеям Бахтина о «гетероглосии» и «монологлосии», а делезианское «пространство-время» соответствует бахтинскому «хронотопу» (Evans, 2008).

Все эти черты бахтинской мысли обнаруживаются также в теории высказывания. Высказывания в представлении Бахтина не гетерогенны (авторство – всегда со-авторство), всегда носят характер уникального события, занимая конкретное положение в пространстве и времени. Именно теория высказывания является объектом интереса М. Лаццарато, современного франко-итальянского философа, текст которого представлен здесь в русском переводе. Этот текст впервые был озвучен в форме доклада на симпозиуме «О Бахтине» в 2009 г. в Маастрихте. Почему его автора интересует именно проблема высказывания? Лаццарато относится к поколению операистских интеллектуалов, чья мысль выросла из глубины социально-политического кризиса 1970-х гг., который особенно остро развернулся в Италии. Радикальные марксистские активисты и интеллектуалы, борющиеся с эксплуатацией рабочих на фордистском конвейере, в определённый момент обнаружили себя на разломе индустриальной и постиндустриальной эпох. Задача осмыслить новое глобальное устройство была сложной, а перемены – по-настоящему колоссальными. Если индустриальный конвейер опирался на извлечение прибыли из активности упорядочен-

ных тел, то в современной системе производства главным ресурсом оказываются способности коммуницировать и виртуозно использовать языковые навыки. Это значит, что раз производство стоимости теперь напрямую зависит от речевого обмена, необходимо выяснить, как на самом деле реализуется высказывание.

С точки зрения Лаццарато, в англоязычном научном пространстве присутствует несостоятельность в понимании высказывания. С одной стороны, существует лингвистика, которая не способна описать высказывание, оперируя только его материалом – техническими знаками, которые суть только возможности, наполняемые конкретным смыслом под влиянием внеязыковых факторов. С другой стороны, мы имеем теорию речевых актов Дж. Остина, которая также включает в себе множество существенных недостатков. Так, нет существенной разницы между искренним и неискренним перформативом, как нет возможности видоизменить условия высказывания – перформатив звучит только в предзаданном конвенциональном поле. Даже само разделение на констатацию и перформатив для Бахтина было бы неверно, так как каждое высказывание обращено к кому-то или чему-то, отвечает на что-то, накладывает те или иные обязательства в рамках «диалогических отношений».

В одной из своих работ «Знаки и машины: капитализм и производство субъективности» (Lazzarato, 2014) Лаццарато, опираясь на идеи Бахтина, настаивает, что каждое высказывание является этико-политическим актом, поскольку оно направлено на достижение согласия или несогласия, каждый акт речи – это вопрос, заданный другому, себе или миру. Он пишет: «Теория высказывания Бахтина подразумевает мир как проблему, событие – как нечто, что всегда только должно осуществиться. Это не похоже на теорию перформативного и иллокутивного акта Остина, которая рассматривает мир как набор условностей, как институт, как распределение полномочий, прав и обязанностей, подлежащих воспроизведению. ... Речевой акт – это событие, которое создает неопределённость, открывая возможности, которые “субъективно” вовлекают говорящих в особые отношения, происходящие “здесь и сейчас”. Каждое высказывание является историческим событием, даже если оно “бесконечно мало”» (Lazzarato, 2014, p. 181).

В представленном здесь докладе Лаццарато подчёркивает революционное открытие Бахтина – высказывание всегда производится совместно, не только субъект, но и адресат высказывания играет в его формировании активную роль. Производство высказывания осуществляется на пересечении ценностных миров, или «экзистенциальных территорий» – в терминах Делёза. Да, высказывание должно быть лингвистически разборчивым, но ещё более важны такие его аспекты, как звук, интонация, чувство словесной активности. Другими словами, высказывание невоспроизводимо, так же как невозможно в точности воспроизвести конфигурацию аффектов и политических импликаций, которые лежат в его основе.

Бахтинская теория высказывания ставит перед нами ряд вопросов. Если высказывание не имеет единого центра, является результатом коллективного взаимодействия и не может быть воспроизведено, то каким образом коммуникативный труд, получивший широкое распространение в постфордистскую эпоху, может быть измерен? Как возможно присвоение высказывания в рамках современного производства? На чём основаны такие институты, как, например, право интеллектуальной собственности? Ответ на эти и другие вопросы необходимо продолжить искать в наследии Бахтина, значение которого ещё до конца не осознано.

Маурицио Лаццарато
«Теория высказывания Михаила Бахтина»¹³
Maurizio Lazzarato
“Mikhail Bakhtin's theory of the utterance”

Бахтинская теория высказывания представляет собой «карнавальную» интеграцию всех элементов, которые теория действия и речи Ханны Арендт опустошила или подчинила тотализирующей силе языка. Признание множественности в семиотике, полифонии средств выражения (вербальных и невербальных), разнородности языковых и неязыковых элементов становится, с одной стороны, основой «стратегической» теории действия между говорящими, где возможно определить значение как «воздействие на возможные действия» (используя выражение Фуко)¹⁴ и, с другой стороны, основой теории творчества и производства субъективности.

В теории Бахтина нет места понятию перформатива, поскольку все «речевые акты» являются «социальными актами», а не только перформативными. Все высказывания представляют собой речевые акты, влекущие за собой социальные обязательства. Несмотря на гомологию терминов, между теориями речевых актов Остина и Бахтина существуют заметные различия. Во-первых, последняя утверждает различие между природой языка и высказывания. Для того чтобы слова, предложения и грамматические правила стали полноценными высказываниями и языковыми актами, необходим «дополнительный элемент», остающийся «недоступным для всех лингвистических категорий и определений, который лингвистика не в состоянии уловить»¹⁵.

¹³ Maurizio Lazzarato “Mikhail Bakhtin's theory of the utterance”. В работе представлен перевод с английского (Lazzarato, 2009, web), сверенный с видеозаписью оригинала доклада. Перевод публикуется с любезного согласия автора.

¹⁴ «Управлять» в этом смысле означает структурировать возможное поле действия других» (Фуко, 2006, web).

¹⁵ Здесь и в некоторых фрагментах далее Лаццарато цитирует Бахтина близко к тексту, что обусловлено спецификой устного доклада. «Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые дела-

Слова, грамматические формы, предложения и выражения, отделённые от высказывания (от речевого акта), есть «технические знаки», служащие значению, которое является лишь потенциальным. Индивидуация, сингуляризация и реализация этого потенциала языка, управляемого высказыванием, позволяет нам войти в другую «сферу бытия», а именно – в «диалогическую сферу». То, что заставляет нас преобразовывать слова и языковые предложения в законченные высказывания, в «тотальность», – это доиндивидуальные аффективные силы, а также социальные и этико-политические силы, которые, хоть и являются внешними по отношению к языку, на самом деле пребывают внутри высказывания. «Произносимое, – говорит Бахтин, – целиком пронизано этими внелингвистическими (диалогическими) элементами»¹⁶.

В теории речевого акта говорящие – это прежде всего не лингвистические или психологические субъекты, а «возможные миры» (сингулярности или экзистенциальные кристаллизации – на языке Гваттари). Они занимают «хронотопы» (блоки пространства-времени, «экзистенциальные территории», выражаясь языком Гваттари), и они абсолютно нередуцируемы. Диалогические отношения между возможными мирами и процессами экзистенциальной сингуляризации конституируются аффективными, этическими и политическими силами. Путём высказывания они выражают дружбу и вражду, согласие и несогласие, симпатии и антипатии. Они организуют отношения кооперации, открывающие возможности для созидания, или, наоборот, устанавливают отношения доминирования, пресекающие такого рода возможности. Происхождение всех этих сил не языковое, хотя они и выражаются через язык и знаки. Они, скорее, являются внутренними переменными, связанными с созданием и изменением высказывания.

Аффективные и этико-политические силы выражаются в первую очередь голосом. В важной статье Гваттари отмечает, что в высказывании обнаруживается как «доиндивидуальный голос», выражающий волю, основанную на эмоциональных оценках (по его словам, чувственных аффектах), так и «общественные голоса», этико-политические голоса, выражающие «универсумы отсылок и ценностей» (красоты, справедливости и истины), которые, по словам Гваттари, являются проблематичными аффектами. Везде, где лингвистика желает структурных и дифференцированных отношений между знаками, Бахтин, подобно просветлённому, идиотам или сумасшедшим, расширяет голоса, их диалогическое отношение и поддерживающие их экзистенциальные территории.

Этот голос развёрнут по эту сторону членораздельной речи. По Бахтину, голос или интонация, ещё не охваченные «фонетической абстракцией» языка, всегда возникают «на пороге словесного

ющие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики» (Бахтин, 1986, с. 320).

¹⁶ У Бахтина: «Внелингвистические (диалогические) моменты пронизывают высказывание изнутри» (Бахтин, 1986, с. 303).

и невербального, сказанного и невысказанного», и именно через них они обращаются к другому. Это обращение скорее аффективное и этико-политическое, чем лингвистическое. Оно «присваивает, продвигает, использует лингвистические и семиотические элементы, подтверждает и отклоняет, критикует и легитимирует значения и устоявшиеся интонации».

Голоса управляют сингуляризацией языка, которую мы могли бы назвать стратегической, поскольку они распределяют и «дают имена» говорящим в соответствии с протополитической моделью, структурирующей пространство слова в соответствии с отношениями власти между говорящими. Голос уже включает в себя особый способ дискурсивного действия, который вместе с Фуко мы можем назвать «действием на возможные действия», поскольку именно он выражает оценки, различия и ценности. «Интонация звучит так, как будто мир вокруг говорящего еще полон одушевленных сил: она грозит, негодует или любит и ласкает неодушевленные предметы и явления»¹⁷. В голосе мы снова обнаруживаем «анимизм», проповедуемый Гваттари, то есть принятие чьей-либо стороны по отношению к другим и миру в этико-политическом плане.

Голос выражает себя, вибрирует в диалогическом пространстве, которое является своего рода «публичным пространством». Голос может воспроизводиться на основе «различных фундаментальных тонов», которые зависят от соотношений власти в «публичном пространстве», где он развивается. Это отношения власти (доминирования или сотрудничества), которые моделируют и воздействуют на способы его выражения. Голос может быть задействован и разграничить «атмосферу сочувствия», «соучастия» или «вызова» и «смущения».

В каждом голосе двойное обращение. Голос обращается не только к адресату, но и к «объекту высказывания», поскольку объект призывается к существованию и как «судья и свидетель», и, следовательно, как его «союзник или враг». По мнению Бахтина, необходимо радикально различать «оценочное выражение», которое может быть аффективным и ценностным, и «смысловое выражение», поскольку – вопреки утверждениям Витгенштейна – последнее никогда не может заместить или подменить первое. Всегда будет существовать *hiatus*¹⁸, непреодолимое расхождение между желанием и аффективными выражениями, с одной стороны, и языком (словами и высказываниями), с другой. Лингвистические восклицания, которые мы изучаем, никогда не смогут заместить или подменить крик боли тела.

В этом заключается отличие лингвистики от философии языка: телесная семиотика, предшествующая значению (жесты, позы, движения, установки), «вселенная ценностей» и экзистенциальные

¹⁷ (Волошинов, 1926, с. 256).

¹⁸ *Hiatus* (лат. щель, расселина) – разрыв, зияние, термин в философии Делёза и Гваттари.

территории являются неотъемлемыми компонентами высказывания. Они являются, особенно у Гваттари, автономной силой производства речи. Интонация и жест связаны тесной взаимосвязью, которая берёт своё начало в телах – «первичной и древней материи оценочного выражения». В каждом жесте, как и в каждой интонации, всегда присутствует и дремлет в ожидании зародыш нападения и защиты, угрозы и ласки. По этой причине каждое высказывание всегда ставит говорящего в положение «союзника или наблюдателя», друга или врага.

Даже поэт, – говорит Бахтин, – «всегда работает с симпатией или антипатией, согласием или несогласием» слушателя. Только когда голос проникает внутрь и апроприирует соответствующие слова и утверждения, последние реализуют свой лингвистический потенциал и превращаются в актуализированное выражение. Исключительно в этот момент словам и утверждениям отводится уникальная и невоспроизводимая роль в вербальном обмене.

Активное и творческое измерение диалогических отношений, их характер как неких стратегических игр «возможных миров», а также экзистенциальные сингулярности и пространства, которые их поддерживают, становятся очевидными, если сопоставить их с лингвистическими элементами высказывания. В то время как последние являются «воспроизводимыми» компонентами, диалогические отношения оказываются «невоспроизводимыми», постоянно обновляемыми элементами высказывания, при этом сингулярность возникает из событийной природы высказывания. Эти два аспекта (воспроизводимый и невоспроизводимый) чётко различимы как в обращении, так и в ответе, к которому призывает высказывание.

Все речевые акты адресуют к кому-то или к чему-то, отвечают кому-то или чему-то, и посредством этого обращения или этого ответа они выражают ценности, точки зрения, эмоции, аффекты, симпатию и антипатию, согласие и несогласие по отношению к ситуации, по отношению к другому и к своему собственному высказыванию, по отношению к прочим высказываниям, а также по отношению к высказываниям, циркулирующим в публичном пространстве (особенно к тем, которые относятся к «истинному, справедливому и прекрасному»¹⁹, как замечает Бахтин). Все эти речевые акты направлены на достижение согласия или несогласия, отсылают к врагу или другу.

Все речевые акты – это вопросы, которые задают другим, себе и миру. Бахтинская теория высказывания подразумевает мир как

¹⁹ «Всякое высказывание претендует на справедливость, истинность, красоту и правдивость (образное высказывание) и т. п. И эти ценности высказываний определяются не их отношением к языку (как к чисто лингвистической системе), а разными формами отношения к действительности, к говорящему субъекту и к другим (чужим) высказываниям (в частности, к тем, которые их оценивают как истинные, прекрасные и т. п.)» (Бахтин, 1986, с. 303).

проблему, как событие и как нечто принципиально не завершённое – в отличие от теории Остина, описывающей мир как конвенцию, институт и нечто воспроизводимое.

В последние годы своей жизни Гваттари обращается к тексту Бахтина 1924 г.²⁰, где говорится о поэтическом творчестве, из которого автор извлекает уроки для теории высказывания и производства субъективности в целом. Даже в случае с поэзией она работает не только с означающим, но всегда обращается к экзистенциальной точке зрения. Бахтин подчёркивает, что, если бы кто-то захотел объяснить обращение, было бы недостаточно оставаться на уровне простого языкового материала. Нужно обращаться к материальным языкам, которые не являются дискурсивными. В речевых актах (в данном случае поэтических речевых актах) именно аффект (экзистенциальная функция) задействует и осваивает различные семиотические элементы, чтобы их скомпоновать и удержать вместе с целью их реализации и воплощения.

Экзистенциальная функция, которую Гваттари называет рефреном, опирается на определённые «дискурсивные цепочки», на определённые лингвистические элементы, и отрывает их от их собственного смысла, обычной сигнификации и денотации, чтобы придать им собственное движение, и в конечном счёте – другой смысл. Таким образом, она (экзистенциальная функция) играет роль онтологического экзистенциального утверждения.

Бахтин выделяет пять элементов высказывания:

1) звуковая сторона слова, собственно музыкальный момент его;

2) вещественное значение слова, со всеми его нюансами и новизнами;

3) момент словесных связей и взаимоотношений;

4) интонативный аспект, который выражает его эмоциональную и волевою направленность в психологическом плане, а также его направленность в отношении этико-политических и, более конкретно, социальных ценностей (доиндивидуальные и социальные голоса);

5) чувство словесной активности, активного порождения его смысла (чувство или аффект, куда нужно включить все двигательные моменты артикуляции, жеста, мимики и пр., всю внутреннюю устремлённость личности) – аффект, выражающий экзистенциальное восприятие мира и самого себя, который руководит расположением элементов высказывания, их выбором и способами совмещения²¹.

²⁰ Речь идет о бахтинской статье «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», к которой Гваттари апеллирует в своей последней работе. См.: (Guattari, 1995, pp. 1-17.)

²¹ Ближе к тексту цитируется отрывок из работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (Бахтин, 1975, с. 62).

Первые три компонента высказывания, составляющие лингвистические и семиотические элементы высказывания, представляют собой их «воспроизводимые» части, которые могут быть повторены, тогда как два последних элемента не могут быть воспроизведены, они абсолютно единичны и создаются однажды в речевом акте. Четвёртый элемент является специфически диалогическим и выражает как аффективные (эмоционально-волевые) оценки, так и социальные (ценностные). Последний элемент, представляющий собой чувство активности в создании слова, выражает экзистенциальную и онтологическую силу аффекта. Он представляет собой недискурсивный элемент, который порождает не только психическую реальность слова, но также «значение и восприятие». Посредством высказывания говорящий занимает «активную позицию» (она действует в экзистенциальном самополагании, как говорит Гваттари) по отношению к миру и другим: «другими словами, важно чувство принятия своей роли, то есть ощущения принятия позиции цельным человеком, движения, в которое вовлечён и организм, и смысловая активность, ибо то, что ее порождает – это и есть дух слова в его конкретном единстве»²².

Гваттари делает общие выводы. Вместе с Бахтиным, – говорит он, – мы можем научиться считать высказывание, его многоголосие и его множественные центры. Высказывание и процесс производства субъективности представляют собой композицию гетерогенных способов семиотизации (производства значения). Всегда – частичная (не исчерпывающая) композиция множества элементов (как лингвистических, так и нелингвистических) и разнородность семиотики (означающей и телесной, иконической, до-означающей и машинной). Но именно этот аффект, рефрен, который управляет «кристаллизацией высказывания», создаёт в то же время «относительное чувство единства» и уникальности (*singularity*), специфическое каждый раз для несопоставимого множества этих языковых элементов, телесных и ценностных, которые пронизывают говорящего. Аффект – это процесс экзистенциального присвоения, который, с одной стороны, отбирает семиотические компоненты, отделяя их от их значений и обычных денотатов, а с другой стороны, действует как «катализатор», как «аттрактор», удерживающий их вместе, как в музыкальном «мотиве», как в рефрене, придавая согласованность этим гетерогенным элементам посредством повторения.

Именно аффект всегда обладает способностью «трансверсализировать» эту разнородность элементов, придать им цвет, тон, заставляющий их со временем сходиться к сингулярности высказывания. Аффект представляет собой открытие недискурсивности, которое лежит в основе дискурсивности, кристаллизуя её и воздей-

²² Близко к тексту цитируется отрывок из работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (Бахтин, 1975, с. 62).

ствуя на неё, организуя её и придавая ей ценность. Как и у Бахтина, так и у Гваттари аффекты, придающие высказыванию характер экзистенциальной сингулярности, являются как «аффектами чувственности» (доиндивидуальными, волевыми и эмоциональными), так и «аффектами проблематики», активирующими отсылки «сентиментальные, мифические, исторические и социальные», вселенные ценностей и ссылок.

Эта активная сила аффекта, несмотря на то, что она недискурсивна, не менее сложна, и Гваттари определяет её как «гиперсложную, желая отметить, что она является примером зарождения сложности, процессуальности в состоянии возникновения, местом распространения становлений»²³. Гуманитарные науки и, в частности, психоанализ слишком давно привыкли думать об аффекте как об элементарной сущности влечения и инстинкта. Но, согласно Гваттари, существуют также «сложные аффекты», высокодифференцированные, которые приводят к необратимым диахроническим разрывам и могут быть названы «христианскими», «дебюссианскими», «ленинскими» (и, когда это случится, «саркозистскими»). Таким образом, на протяжении десятилетий целое созвездие экзистенциальных рефренов, разрывов в высказываниях открывало доступ к «ленинскому языку», который задействует специфические процедуры, относящиеся к разряду риторики, и лексиконы, относящиеся к разряду фонологии, прозы и образов.

Следует более обстоятельно вернуться к новшеству, привнесённому теорией Гваттари и Делёза, то есть к роли, которую играет экзистенциальная функция аффектов в речи и производстве субъективности. На данный момент я просто хочу подчеркнуть творческие элементы, силы утверждения и трансформации отношения к себе, другим и миру, которые являются нелингвистическими силами, потому что они аффективны, социальны и политичны. Они находятся вне языка, но внутри высказывания. Те же принципиальные различия мы находим и в акте ответа на обращение («понимание»). Все речевые акты есть «вопрос», требующий ответа, но ответ, которого ожидает высказывание, – это «активно-ответная позиция», «активно-ответное понимание» другого – в отличие от перформатива, где другой не является ни автономным, ни свободным. Для высказывания «нет ничего страшнее, чем отсутствие ответа». Но «ответный акт», который действует в слове, не является прежде всего лингвистическим.

Если, как предполагает Бахтин, вместо «полифонии» и гетерогенности семиотических языковых и неязыковых элементов обращения мы рассмотрим элементы «понимания», то обнаружим ту же множественность лингвистических (воспроизводимых) и нелингвистических (невоспроизводимых) элементов. В понимании при-

²³ Близко к тексту цитируется фрагмент из статьи Гваттари «Ритуирнели и экзистенциальные аффекты» (Guattari, 1990, p. 68).

существует активный отклик-реакция, которую мы можем различить.

«1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. Узнавание его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далёком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности»²⁴.

Этот последний элемент, собственно диалогический элемент, является наиболее важным, потому что именно он сингуляризует и придаёт экзистенциальную согласованность ответу-реакции. Это то, что отбирает, упорядочивает и реализует множественность различных способов выражения. Лингвистическое понимание – это не то же самое, что диалогическое понимание. Первое состоит из воспроизводимых элементов (первые два элемента из цитаты Бахтина), второе – из невоспроизводимых компонентов, сингулярных и созданных одним актом понимания. Понимание есть всегда занятие позиции, суждение, ответ, то есть действие внутри диалогических отношений. Ответы-реакции выражают «симпатию, антипатию, согласие, несогласие, сочувствие, возражение, исполнение, стимул к действию и т. д.». Каждый ответ-реакция «опровергает, подтверждает, дополняет, опирается на них, предполагает их известными, как-то считается с ними»²⁵.

В отличие от реципиента высказывания у Вирно, который только созерцает, является свидетелем и судьёй высказывания («я говорю»), который, как и в классическом перформативе, подвергается лишь институциональному воздействию, у Бахтина собеседник полноправно участвует в осуществлении действия. Как и в более поздней теории властных отношений Фуко, собеседник активен и «свободен». В случае высказывания он задаёт динамику и ориентирует актуализацию. Высказывание – это со-производство полемической или кооперативной со-актуализации лингвистических виртуальностей и миров ценностей или экзистенциальных территорий, их поддерживающих. Подобно фукианским отношениям власти, отношения власти-речи открывают активное пространство понимания, ответов-реакций, а также пространство возможностей, которые не могут быть очерчены или актуализированы за пределами «создания» высказывания.

Если мы проследим за «созданием» высказывания, то легко увидим, что природа высказывания не перформативная, а скорее диалогическая, стратегическая и даже событийная. Речевой акт – это действие на возможное действие других, которое начинается

²⁴ (Бахтин, 1986, с. 281).

²⁵ (Бахтин, 1986, с. 286).

с этико-политического измерения и аффективного измерения отношения с другим. У Бахтина имеется «агонистическое» представление о высказывании, функционирующем как борьба между говорящими, или, скорее, как о форме управления другими, выраженное через целый ряд приёмов и тактик, неотъемлемой частью которых является лингвистические и семиотические приёмы и тактики.

«Строя своё высказывание, я стараюсь его активно определить; с другой же стороны, я стараюсь его предвосхитить, и этот предвосхищаемый ответ в свою очередь оказывает активное воздействие на моё высказывание (я парирую возражения, которые предвижу, прибегаю к всякого рода оговоркам и т. п.). Говоря, я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом: насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения, его предубеждения (с нашей точки зрения), его симпатии и антипатии – ведь всё это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания».²⁶

Выбор характера высказывания, выбор композиционных приёмов и языковых средств будет исходить из властного отношения к другому, поскольку, в отличие от сосюроевской лингвистики, высказывание не является лишь индивидуальным процессом. Этот выбор может быть совершён только внутри высказывания, в процессе его совершения, куда другой интегрирован как живой, динамичный и свободный элемент.

Информация об источниках финансирования

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Funding

The research was carried out within the framework of a grant of the Russian Science Foundation No. 19-18-00100, <https://rscf.ru/project/19-18-00100/>

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

²⁶ (Бахтин, 1986, с. 291).

Список литературы

- Бахтин, 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Бахтин, 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бахтин, 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Волошинов, 1926 – *Волошинов В.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244-267.
- Долгорукова, 2018 – *Долгорукова Н.* Бахтин во Франции (на материале первых французских рецензий 1970-х годов) // Новое литературное обозрение. 2018. № 2. С. 100-107.
- Тинус, 2021 – *Тинус Н.Н.* Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1 (100). С. 44-59.
- Фаритов, 2016 – Фаритов В.Т.* Философские аспекты творчества М. Бахтина: онтология трансгрессии // Вопросы философии. 2016. № 12. С. 140-149.
- Фуко, 2006, web – *Фуко М.* Субъект и власть / Пер. с фр. Б.М. Скуратов; Ред. В.П. Большаков // Центр гуманитарных технологий. 2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/7373> (дата обращения: 23.08.2023).
- Evans, 2008 – *Evans F.* Deleuze, Bakhtin, and the 'Clamour of Voices'. *Deleuze Studies*. 2008. Vol. 2. No. 2. Pp. 178-188.
- Guattari, 1990 – *Guattari F.* Ritornellos and existential affects. *Discourse*. 1990. Vol. 12. No. 2. Pp. 66-81.
- Guattari, 1995 – *Guattari F.* Chaosmosis: an ethico-aesthetic paradigm. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1995. 136 p.
- Jenks, 2003 – *Jenks Ch.* Transgression. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 205 p.
- Lazzarato, 2009, web – *Lazzarato M.* Mikhail Bakhtin's theory of the utterance. 2009. URL: <https://www.generation-online.org/fp/lazzarato6.htm> (дата обращения: 23.08.2023).
- Lazzarato, 2014 – *Lazzarato M.* Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity. Los Angeles: Semiotext (e), 2014. 279 p.

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of Literature and Aesthetics. Research from Different Years*. Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1990). *The Art of Francois Rabelais and the Folk culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (1986). *The Aesthetics of Verbal Art*. Iskuststvo Publ. (In Russian)
- Dolgorukova, N. (2018). Bakhtin in France (Based on his first french reviews in the 1970s). *New Literary Review*, 2, 100-107. (In Russian)
- Evans, F. (2008). Deleuze, Bakhtin, and the 'Clamour of Voices'. *Deleuze Studies*, 2 (2), 178-188. (In Russian)
- Faritov, V. T. (2016). The philosophical aspects of the work of M. Bakhtin: transgression ontology. *Issues of Philosophy*, 12, 140-149. (In Russian)

Foucault, M. (2006). Subject and Power. *Center for Humanitarian Technologies*. Retrieved August 23, 2023, from <https://gtmarket.ru/library/articles/7373> (In Russian)

Guattari, F. (1995). *Chaosmosis: an Ethico-Aesthetic Paradigm*. Indiana University Press.

Guattari, F. (1990). Ritornellos and existential affects. *Discourse*, 12 (2), 66-81.

Jenks Ch. (2003). *Transgression*. Routledge.

Lazzarato, M. (2023). *Mikhail Bakhtin's Theory of the Utterance*. Retrieved August 23, 2023, from https://www.generation-online.org/p/fp_lazzarato6.htm

Lazzarato, M. (2014). *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. Semiotext (e) Publ.

Tinus, N. N. (2021). Process and relation: origins of the autonomist theory of individuation. *Politeia*, 1 (100), 44-59.

Voloshinov, V. (1926). The word in life and the word in poetry. On issues of sociological poetics. *Zvezda*, 6, 244-267. (In Russian)